

ОБРАЗ КАЗАХСТАНА В РОССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ СМИ

© 2019 г. Ж. Е. Токбулатова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
географический факультет, Москва, Россия

e-mail: tokbulatovazhuldyz@gmail.com

Поступила в редакцию 28.01.2019 г.; после доработки 15.04.2019 г.; принята в печать 17.05.2019 г.

Статья посвящена выявлению и сопоставлению частных образов Казахстана, формируемых пятью российскими печатными изданиями (“Коммерсантъ”, “Комсомольская правда”, “Советская Россия”, “Новая газета” и “Завтра”), предположительно охватывающими большую часть спектра идеологических и политических предпочтений россиян. Основу исследования составила база данных публикаций, собранная в ходе сплошного контент-анализа газет за два фокусных года (2001 и 2016 гг.). Различия в специфике целевой аудитории изданий определили дефицит общих мотивов в структуре частных образов (в 2001 г. их объединял по-разному трактуемый мотив централизации власти, в 2016 г. – подчеркивание проблем, сопутствующих развитию государства). В то же время, для всех газет характерно общее снижение интереса к Казахстану и соответствующее обеднение содержания образа страны, а также тенденция к сглаживанию его негативных составляющих. Если в 2001 г. дискурс о Казахстане в выбранных изданиях был разнообразным и даже противоречивым, то к 2016 г. произошло либо размывание выраженного образа (“Советская Россия”, “Новая Газета”), либо смещение фокуса на восприятие Казахстана как неотъемлемой части пространства ответственности России или ее важного партнера в рамках ЕАЭС (“Коммерсантъ”, “Комсомольская Правда”, “Завтра”). Из всех рассмотренных изданий лишь “Коммерсантъ” способствует формированию взвешенных многосторонних представлений о стране, складывающихся в сравнительно цельный образ, в целом же Казахстан предстает ментально слабо освоенным государством.

Ключевые слова: политическая география, географический образ, образ страны, Казахстан, Россия, общественные представления, пресса, СМИ.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019532-42>

БАЗОВЫЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ

В настоящее время изучение образов стран и территорий составляет значимое направление внутри общественной географии. В.А. Колосов в начале 2000-х годов заявлял: “*Ныне можно утверждать, что уже сложилась занимающаяся формированием географических образов междисциплинарная область, тесно связанная и с социологией, и с геополитикой, и с политологией*” [9, с. 36]. Д.Н. Замятин и Н.Ю. Замятина в схожем контексте писали о развитии *имажинальной географии*, рассматривающей закономерности формирования, структуру, способы репрезентации и интерпретации географических образов [4, с. 99]. В англоязычный научный лексикон, впрочем, данное понятие не вошло, хотя господствующие в обществе представления о географических объектах (прежде всего, о зарубежных государствах и надгосударственных образованиях) активно изучаются в рамках *критической геополитики* [18, 19].

Представленная работа не лежит целиком в русле критической геополитики, поскольку ее фокус не ограничен лишь политическим измерением восприятия Казахстана, однако, с данной дисциплиной ее роднит избранный метод исследования – анализ дискурса, формируемого СМИ, составляющий концептуальное ядро “популярной” [17, с. 4] или “низкой” [9] геополитики¹. СМИ играют особую роль в изучении географических образов: они не только отражают доминирующие в рамках той или иной группы мнения и взгляды, но и сами в значительной степени создают их². Телевидение и (в меньшей степени) пресса часто выступают главным источником информации, которому люди склонны

¹ Подробнее об основных подходах к изучению образа страны – см. [15, с. 59–60].

² Отметим, что СМИ являются далеко не единственным механизмом конструирования географических образов – эту роль также выполняют школьные учебники и, в меньшей степени, справочные тексты, которые также становились объектами соответствующих исследований [3, 14].

доверять, и потому на основании их контента во многом и формируются общественные представления.

Строго говоря, выбор прессы в качестве материала для анализа может вызвать сомнения: согласно опросам общественного мнения, проводимым российскими социологическими агентствами, в последние годы не более 20% респондентов получают информацию в первую очередь из газет, тогда как у телевидения этот показатель гораздо выше — 70–80% (по уровню доверия разрыв еще разительнее — менее 10% и почти 50%) [6–8]. Действительно, телевидение выглядит в этом отношении более релевантно, однако многообразие и дробность целевой аудитории газет позволяет судить по ним о частных образах, присущих группам с определенными интересами, политическими взглядами, социальным статусом и т.п. Более того, рейтинги популярности таких специально адресуемых изданий не отражают в полной мере их влияние на сознание аудитории — взгляды, продвигаемые на их страницах, активно транслируются через личные контакты, распространяясь едва ли не на всю целевую группу. Наконец, использование газет значительно более удобно с практической точки зрения — далеко не все телеканалы предоставляют расшифровки или видеозаписи новостных программ.

К настоящему моменту анализ формируемого прессой дискурса закрепился в качестве одного из основных методических приемов в изучении общественных представлений [1, 5, 10–12, 16]. С его помощью можно исследовать образы и отдельных частей государства [11], и масштабных регионов, выходящих за его пределы [13], однако чаще всего в фокусе оказываются те или иные зарубежные страны или их группы. Особый интерес представляют образы соседей, актуальных или потенциальных политических и экономических партнеров, близких культурно и исторически. Для России это республики бывшего СССР, прежде всего, Белоруссия, Украина и Казахстан.

Складывающиеся в России представления о Казахстане и ранее становились объектами специальных исследований, однако в большинстве случаев Казахстан в них рассматривался в ряду с другими государствами — постсоветскими республиками. Такие работы были сфокусированы на поиске единых обобщенных образов стран, характеризующих взгляды всего российского общества в целом, для определения которых обычно использовалось одно респектабельное издание. Так, в монографии сотрудников Лаборатории геополитических исследований ИГ РАН под редакцией В.А. Колосова “Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика” материалом для анализа служили ста-

ты “Независимой газеты” [12], а авторы статьи “Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане” И.Б. Бочкарева, А.Б. Есимова и Д.Н. Замятин использовали публикации центральной и региональной прессы (та же “Независимая газета” и “Свободный курс” Алтайского края), сравнивая “национальный” образ с региональным [2].

В данной работе выдвигается тезис о принципиальной множественности образов Казахстана, формирующихся у разных носителей представлений о нем. Для их выявления были выбраны пять фокусных изданий — “Коммерсантъ”, “Комсомольская правда” (далее “КП”), “Советская Россия” (далее “СР”), “Новая газета” (далее “НГ”) и “Завтра”, различающихся спецификой целевой аудитории. “КП” нацелена на массового читателя, тогда как “Коммерсантъ”, делая особый акцент на экономической тематике, сохраняет номинальную элитарность. В свою очередь, тексты в “СР”, “НГ” и “Завтра” ориентированы на строго определенный круг читателей и предлагают альтернативные точки зрения на описываемые события — “просоветскую” (“СР”), “имперско-патриотическую” (“Завтра”) и “либерально-западническую” (“НГ”). Суммарный контент всех пяти изданий можно условно рассматривать как репрезентативную выборку основных моделей формирования представлений в современном российском обществе. Иначе говоря, целью данной статьи выступает выявление характера и динамики изменения не обобщенного *образа* Казахстана как единого целого, а пяти ключевых частных *образов*, существующих в представлениях пяти условных категорий россиян, что лучше отвечает реалиям российского общества.

Временные рамки исследования предполагают сравнение 2001 и 2016 гг., что продиктовано рядом обстоятельств. 2016 г. отражает условную современность, имея также символическое значение как год 25-летия независимости Казахстана. 2001 г. избран по нескольким причинам: это “срединный” год, удаленный как от современности, так и от момента создания Республики Казахстан, также это год десятилетия распада СССР и образования СНГ, т.е. в некотором смысле год подведения первых взвешенных итогов самостоятельного существования постсоветских государств. Кроме того, 2001 г. можно считать поворотным в развитии внешнеполитической ориентации России, менявшей в первой половине 2000-х годов “западный” вектор на “евразийский”.

В ходе исследования было проанализировано 1728 публикаций — 893 статьи за 2001 г. и 835 статей за 2016 г. В качестве ключевых были

выбраны слова “*Казахстан*”, “*казахстанский*”, “*казахстанец*”, “*казах*” и “*казахский*”.

Статьи дифференцировались по трем направлениям:

- 1) по значимости упоминания:
 - сюжеты, посвященные Казахстану;
 - сюжеты, посвященные Казахстану и России;
 - сюжеты, в которых Казахстан упоминается вместе с другими странами;
 - сюжеты, в которых Казахстан упоминается вскользь;
- 2) по тональности — позитивная, нейтрально-позитивная, нейтрально-негативная, негативная;
- 3) по тематике — внешняя политика; внутренняя политика; экономика; социальная сфера; туризм и спорт; наука и информационные технологии; религия и культура; войны, конфликты, криминал; чрезвычайные происшествия; прочее.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА КОНТЕНТА

Формальное сравнение газет по числу статей, касающихся Казахстана, показывает, что в оба года явным лидером выступает “Коммерсантъ”, на долю которого приходится чуть более половины всех рассмотренных публикаций. На втором месте находится “КП” (около четверти анализируемого контента), тогда как “СР”, “НГ” и “Завтра” заметно отстают. Вместе с тем, очевидно, что такое сравнение малоинформативно, поскольку издания имеют разную периодичность выхода и количество полос в номере. Более логичным выглядит сравнение “взвешенных” показателей — например, доли сюжетов с упоминанием Казахстана в общем числе статей, выпущенных газетой в конкретном году. Из рассматриваемых изданий в оба года наибольшей долей характеризуется “Завтра” (4.5–5% от всего контента), а наименьшей — “КП” (1.3–1.7%). При этом ни одна газета не продемонстрировала выраженного изменения данного показателя, выходящего за пределы 0.5–0.7 процентных пунктов.

Вместе с тем, говорить о подъеме или спаде внимания к Казахстану на основании динамики изменения общего числа и даже доли всех сюжетов с упоминанием государства в принципе не совсем корректно, поскольку почти 3/4 всех отобранных публикаций затрагивают Казахстан лишь вскользь. Если же рассматривать отдельно статьи, в которых Казахстану была отведена значительная часть контента, то налицо явная тенденция снижения интереса к стране: если в 2001 г. было опубликовано в общей сложности 58 статей, непосредственно посвященных Казахстану, и 53 статьи, сфокусированные на отношениях Казахстана и России, то в 2016 г.

число таких публикаций сократилось до 32 и 33 соответственно³. С 157 до 105 уменьшилось также и число сюжетов, упоминающих Казахстан в ряду других стран. Частично данная тенденция может быть объяснена изменением общего информационного фона на постсоветском пространстве: в 2016 г. последствия событий двухлетней давности в Украине по-прежнему доминировали в контенте изданий, отодвигая все прочие сюжеты на второй план.

Ключевое различие в *тональности* публикаций состоит в заметном увеличении числа статей позитивного характера. В 2001 г. практически все темы были так или иначе окрашены в негативные или нейтрально-негативные тона; самой позитивной являлась тематика туризма и спорта, выступавшая своеобразной “отдушиной” на фоне множества пессимистических публикаций о внутренней политике, социальной сфере, войнах, конфликтах, криминале. В 2016 г. число позитивно окрашенных статей в 1.4 раза превысило число негативных, а 60% публикаций имели позитивную или нейтрально-позитивную тональность.

Обе выделенные тенденции — снижение внимания к Казахстану и рост позитивности сюжетов — ярко проявляются в статьях политической тематики. Публикации 2001 г. часто поднимают острые политические вопросы, такие как борьба с международным терроризмом, укрепление государственных границ, ограничение оппозиционной прессы, тогда как в 2016 г. соответствующий контент, затрагивающий Казахстан сам по себе или наряду с другими странами, становится однообразным, “безжизненным”, будучи представлен в основном шаблонными сюжетами о встречах глав государств с обязательным упоминанием имен лидеров либо в заголовке, либо в первом предложении текста. Публикации же о внутренней политике Казахстана, обретая более позитивную тональность, в основном описывают скорее частные случаи, нежели общую ситуацию.

Оценка региональных особенностей формирования образа Казахстана в анализируемых газетах сводится к сравнению ролей трех наиболее часто упоминаемых регионов Казахстана — Алматы, Астаны и Байконура. Роли этих объектов кардинально различаются, фактически отражая степень устойчивости представлений в российском обществе о Казахстане как о бывшей советской республике: если Алматы крепко связан историческими корнями

³ Интересно, что в данном случае “взвешивание” показателя путем расчета доли сюжетов в общем числе публикаций в газете картину практически не изменит — общие тенденции в целом сохраняются.

ми с СССР, а, значит, и с Россией, то Астана не имеет отношения к советскому периоду, это олицетворение независимого Казахстана, проводящего новую самостоятельную политику. Отличия проявляются и в характерных чертах образов городов: Алматы предстает “живым” городом со своей внутренней культурной жизнью, социальными институтами в виде школ, больниц, университетов и т.д., а также проблемами с преступностью, в то время как Астана – это искусственно созданный город, предназначенный для официальных встреч, своеобразный “конференц-зал” мирового или евразийского масштаба. Байконур же выполняет роль наиболее яркого напоминания об общем советском прошлом, хотя и не является здесь единственным примером (Алматы, Семипалатинск, Караганда).

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧАСТНЫХ ОБРАЗОВ КАЗАХСТАНА

Образ Казахстана в газете “Коммерсантъ”

“Коммерсантъ” отличается от других изданий наибольшей отстраненностью, нейтральностью и подчеркнутой “объективизацией” публикуемых сюжетов, минимальным выражением личного отношения авторов к поднимаемым вопросам, а также сдержанностью подачи материала. Тем не менее, в статьях прослеживается несколько ярких сквозных мотивов с выраженной тональностью.

В контенте 2001 г. выделяется *мотив жесткости и централизации государственной власти*. 2001 г. показан как переломный для внутренней политики Казахстана: именно в этот год правительство Нурсултана Назарбаева совершило поворот к авторитаризму. Перемены коснулись, прежде всего, главной отрасли экономики: если в предыдущие годы экономическая политика “была примером либерализма для нефтяных инвесторов, невиданного ни в масштабах СНГ, ни тем более в Средней Азии”, то в 2001 г. все меняется – “власти Казахстана уже не скрывают, что хотели бы оказывать большее влияние на нефтегазовый бизнес страны”⁴. Другим вектором вмешательства государства выступают СМИ: такие сюжеты часто построены на демонстрации негативной реакции общественности на те или иные реформы, способствующие укреплению государственного контроля над распространением информации.

Внутренняя политика изображается исключительно как арена закулисной борьбы отдель-

ных политических “кланов” за расположение президента, личная жизнь которого фактически сращивается с политической жизнью страны. Хотя персонификация образа Казахстана через образ Назарбаева не столь характерна для “Коммерсанта”, как, например, для “КП” или “НГ”, тезис о том, что власть в государстве не может и не будет исходить ниоткуда, кроме как лично от президента и его окружения, прослеживается в публикациях издания вполне отчетливо.

Другой мотив с выраженной негативной коннотацией – *мотив Казахстана как косвенного источника опасности для России*. Строго говоря, он прослеживается в контенте издания неявно и влияет не столько на образ Казахстана, сколько на образ центральноазиатского региона в целом, однако регулярность появления подобных сюжетов в газете не позволяет игнорировать его. Казахстан не изображается монолитным источником опасности, но часто “всплывает” в статьях, посвященных угрозам, исходящим с юго-восточного пограничья России. Неопределенность и проницаемость границ Казахстана с Киргизией, Узбекистаном и Туркменистаном вызывает беспокойство у авторов, что способствует негативизации образа.

На противоположном полюсе дискурса располагается *мотив Казахстана как самостоятельной единицы на мировой арене*, активно и всесторонне развивающей отношения со многими государствами, в частности, с США, Германией, Испанией, Китаем, Украиной и др. Этот мотив практически полностью формируется сюжетами о встречах лидеров государств, визитах в Казахстан крупных политических деятелей и т.п. Роль своего рода пространства для диалога и сотрудничества с зарубежными странами играют две темы – региональная безопасность и развитие нефтегазового сектора, при этом последняя предсказуемо отвечает за “дальние горизонты”.

Отметим, что для газеты не характерен расхожий тезис о том, что растущая активность и самостоятельность Казахстана на мировой сцене может иметь отрицательные последствия для России: российский и западный векторы в казахстанской внешней политике принципиально не противопоставляются, Россия по-прежнему играет центральную роль в кругу реальных и потенциальных партнеров Казахстана.

На протяжении всего года четко выделяется *мотив сотрудничества и общности Казахстана и России (“казахи и русские снова братья навек”⁵)*. Спектр рассматриваемых точек

⁴ Бутрин Д. Казахстан качает права на свою нефть // Коммерсантъ. 09.10.2001. Вып. 184. С. 8.

⁵ Волхонский Б. Виктор Калужный провел разъяснительную работу // Коммерсантъ. 16.03.2001. Вып. 46. С. 11.

соприкосновения двух государств крайне широк: региональная безопасность, взаимная торговля, топливно-энергетический комплекс, взаимодействие в космической отрасли. Наиболее заметно этот мотив отражается в публикациях, касающихся прикаспийского сотрудничества: именно Россия и Казахстан демонстрируют наименьшие разногласия в сравнении с остальными прикаспийскими государствами и достигают наибольшего прогресса в претворении проекта в жизнь.

При характеристике отношений между государствами часто используется понятие “*общности*”, проявляющееся в самых разных контекстах. Так, Альберт Исангулов, директор по проектам компании “Лукойл” (крупнейшего инвестора в Казахстане), к примеру, объяснял на страницах “Коммерсанта”, что “*Казахстан для ЛУКОЙЛа — это прежде всего возможность экспорта нефти на новые рынки, кроме того, у нас общий менталитет, общие технологии работы*”⁶.

К концу 2001 г. мотив сотрудничества и общности России и Казахстана достиг апогея: в частности, в статье, посвященной возможному соглашению о едином газовом балансе стран, прямо заявляется, что в случае успеха “*Белоруссия может быть потеснена со своего места страны, имеющей самые тесные экономические отношения с Россией, не на бумаге, а на деле*”⁷.

К 2016 г. дискурс претерпел серьезные изменения: образ Казахстана стал более простым и примитивным, а характеризующие его мотивы — более очевидными. В целом год подается как объективно сложный для Казахстана — падение мировых цен на нефть, как следствие, экономический кризис и девальвация национальной валюты, а также террористические акты, пошатнувшие образ одного из самых политически стабильных государств в регионе. На первый план вышел *мотив внутренних проблем*, порой граничащий с мотивом страха за будущее государства (“*и в Украине, и в Казахстане возмущение началось по поводу документа*”⁸).

Связь между экономическими и политическими проблемами хорошо иллюстрирует тема досрочных выборов в нижнюю палату парламента Казахстана. По одной из версий, решение об их проведении было принято из-за угрозы обострения экономического кризиса и возможного нарастания недовольства населения к официальному сроку выборов, по другой же, причиной

такого хода могло быть стремление властей отвлечь население от усугубляющихся экономических проблем. Что касается сюжетов о терроризме и национализме, то они в большинстве своем сводятся к простому изложению событий и лишены явных оценочных суждений или цитат, но в то же время уже одним своим постоянным присутствием на страницах издания создают общий тревожный фон.

Мотив сотрудничества России и Казахстана к 2016 г. существенно изменился. Во-первых, соответствующие сюжеты во многом утратили оптимистическую составляющую, превратившись в сухое описание событий. Во-вторых, акцент делался на сотрудничестве уже в других сферах — военно-технической, транспортно-логистической, финансовой. В-третьих, базовым источником “остаточного” оптимизма оказались изречения самих президентов. Главы государств, хоть и отмечали затруднения в развитии отношений, но давали сотрудничеству самую положительную оценку: Назарбаев подчеркивал, что отношения между государствами образцовые “*и в экономическом, и в политическом плане*”, тогда как Путин описывал их более развернуто: “*... объем наших взаимоотношений очень большой ... мы знаем, что значительная часть казахской нефти на внешние рынки идет через Россию, а наша — частично идет через Казахстан в Китай... Я уж сейчас не говорю про политическую составляющую, про сотрудничество наших МИДов, про наши совместные усилия на интеграционном треке!*”⁹.

Ключевым же отличием от мотива 2001 г. выступает его переплетение в 2016 г. с противоположным, но, по сути, неизбежным, *мотивом разногласий и проблем сотрудничества*. Инициатором разногласий при этом часто предстает Казахстан, создающий проблемы работающим в стране российским компаниям, вводящий разного рода ограничения. Астана устанавливает запрет на допуск вагонов-зерновозов, вводит утилизационный сбор на автомобили, в том числе импортируемые из России, ставит ограничения на государственные закупки продукции двойного назначения и “открытой” части гособоронзаказа.

Образы Казахстана в “Коммерсанте” за 2001 и 2016 г. кардинально различаются. В оба года отмечаются внутренние проблемы Казахстана (в 2001 г. — внутриполитические, связанные с острой борьбой за власть, в 2016 г. — экономический кризис и нарастающее социальное напряжение), но в материалах 2016 г. они “выплескиваются” за пределы страны, негативно отражаясь

⁶ Инвестиции в Казахстан — это больше, чем нефтедобыча // Коммерсантъ. 09.10.2001. Вып. 184. С. 8.

⁷ Багров А. “Газпром” протянет трубу в Казахстан // Коммерсантъ. 30.11.2001. Вып. 220. С. 11.

⁸ Константинов А. Земельная реформа напугала Казахстан // Коммерсантъ. 10.05.2016. Вып. 79. С. 2.

⁹ Сафронов И. Встречные мотивы // Коммерсантъ. 17.08.2016. Вып. 149. С. 3.

на отношениях с Россией. Если образ Казахстана 2001 г. формировался как образ державы, находящейся в процессе становления самостоятельного игрока на мировой сцене и являющейся едва ли не главным партнером России, хотя и со своей спецификой в системе государственной власти, то в 2016 г. Казахстан рисуется как государство в сильном упадке, разьедаемое последствиями экономического кризиса, распространившегося на многие сферы и проникшего во многие структуры, инициирующее “охлаждение” экономических отношений с Россией.

**Образ Казахстана в газете
“Комсомольская правда”**

Центральный мотив в публикациях 2001 г. — это **мотив Казахстана как примера для окружающих стран**. “Образцовость” страны проявляется в ключевых сферах — экономике, политике и социальной сфере — причем объектом сравнения зачастую выступает и Россия. Подчеркивается, что в отличие от России, чья экономика напрямую завязана на экспорте углеводородов, Казахстан успешно развивает собственную промышленность, отходя таким образом от нефтегазовой зависимости. Отмечается рост ВВП, инвестиций в основной капитал, объемов промышленного производства, сохранение низких темпов инфляции, развитие банковской системы, обеспечение наиболее высокого среди стран СНГ уровня зарплат, увеличение денежных доходов населения и рабочих мест, и т.п.

Не менее претенциозно преподносятся политические преобразования в государстве, в частности, отказ от ядерного оружия и прекращение испытаний на Семипалатинском полигоне связываются с приоритетами общечеловеческой безопасности. Другой предмет восхваления — формирование в Казахстане нехарактерной для центральноазиатских республик здоровой внутривнутриполитической среды, в которой вырастают “новые демократические лидеры”, вроде Галымжана Жакиянова, акима Павлодарской области, принадлежащего “к той когорте молодых казахстанских политиков, которых вознесла вверх не номенклатурная система, а обретенная республикой независимость”¹⁰.

Данному мотиву крайне близок другой, столь же положительный мотив — **мотив мудрых решений и сильных ходов руководства**. Под руководством здесь, безусловно, подразумевается президент Назарбаев, при этом “сильные ходы” отсылают к разным периодам, а их последствия выходят далеко за границы республики. Так,

первым принятым решением Назарбаева на новом посту стало упомянутое выше прекращение испытательных ядерных взрывов, что не только повлияло на действия властей Украины и Белоруссии, но и в конечном итоге “сняло напряжение” в мировой политике. Другим дальновидным решением президента предстает безболезненный перенос столицы из Алматы в Астану, а из актуальных на 2001 г. сильных ходов казахстанского руководства на первый план выводится амнистия капитала.

Хотя получающийся образ Казахстана выходит односторонне положительным, публикации 2001 г., во всяком случае, позволяют выделить ряд мотивов, прямо отвечающих за его формирование, тогда как в контенте 2016 г. дискурс сводится к упрощенной характеристике “добраго соседа” России. По сути, Казахстан фигурирует в двух контекстах со слабо выраженными мотивами, из которых невозможно сложить цельный образ страны.

Первый мотив — **мотив Казахстана (и Средней Азии в целом) как уязвимого региона в пространстве ответственности России** — встречается в небольшом числе статей, посвященных террористическим актам в Актобе и Алматы. Казахстан, некогда бывший наиболее стабильным государством в Центральной Азии, теперь представляет вместе со всем регионом серьезную угрозу. События связывают с попыткой превратить Казахстан в горячую точку, а также показательно втянуть в конфликт Россию, “устроить хаос на гигантской территории с большой долей русскоязычного населения”¹¹. При этом нельзя сказать, что опасность исходит именно от Казахстана. Напротив, он предстает своего рода зоной ответственности России: трансграничная природа глобального терроризма не позволяет государствам сосредотачиваться на защите лишь своих территорий, поэтому две страны не могут не разделять общие задачи по укреплению безопасности в регионе и борьбе с исламистскими группировками, пытающимися проникнуть в Среднюю Азию.

Второй мотив, который выделяется из общего массива статей, — **мотив Казахстана как одного из ключевых партнеров России в ЕАЭС и строительстве “Большой Евразии”**. ЕАЭС в контенте “КП” за 2016 г. — это влиятельное интеграционное объединение, которое, по утверждению премьер-министра России Дмитрия Медведева, “сильнее и прочнее”, чем Евросоюз¹².

¹¹ Гришин А. Казахстан хотят поднять на майдан // Комсомольская правда. М. 07.06.2016. Вып. 61. С. 6.

¹² Кривякина Е. Дмитрий Медведев: мы не Евросоюз. Мы сильнее // Комсомольская правда. М. 13.08.2016. Вып. 291-с. С. 4.

¹⁰ Резяпов А. У Казахстана появился новый демократический лидер // Комсомольская правда. М. 30.10.2001. Вып. 200. С. 8.

При этом Казахстан, являясь неотъемлемой частью ЕАЭС, играет важнейшую роль в создании “Большой Евразии”, мощного торгово-экономического партнерства с сопряжением потенциалов ЕАЭС и Китая. Подчеркивается, что Россия и Казахстан находятся на “перекрестке путей” Европы и Азии, и от их сотрудничества в сфере развития транспортной инфраструктуры и логистики напрямую зависит успех проекта.

В оба года образ Казахстана нельзя назвать цельным и многосторонним: в контенте 2001 г. из-за его бескомпромиссно положительной характеристики как успешного государства, примера для постсоветских стран, за которым стоит мудрый руководитель, ведущий дальновидную внутреннюю и внешнюю политику, а в публикациях 2016 г. — из-за “обеднения”, “обезличивания” образа, превращения Казахстана в пусть и важную для России, но часть ЕАЭС.

Образ Казахстана в газете “Советская Россия”

В отличие от “КП”, которой свойственен оптимистичный тон изложения материала, для “СР” характерен негативный настрой, сопровождающийся легким алармизмом и сквозящим чувством беспокойства. В контенте газеты настолько перемешаны и переплетены различные мотивы, что вычленив что-то одно порой сложно.

Прежде всего, выделяется **мотив авторитарного правления**. Газета крайне негативно описывает ситуацию в СНГ: “... повсюду на фоне невиданной нищеты, эпидемий, наркомании и бесправия идет безудержное прославление правящих лиц”¹³, сопряженное с отстранением оппозиции от участия в выборах и угрозами тюремного срока за коммунистические убеждения. Иными словами, мотив авторитаризма характерен не только для образа Казахстана; в этом смысле “СР” не делает особых различий между постсоветскими республиками, включая сюда, что характерно, и Россию.

Второй мотив — **мотив американского влияния** — опять же присущ всей Центральной Азии. Влияние заключается как в контроле над экономикой Казахстана американскими корпорациями, так и в политическом присутствии США: согласно материалам газеты, Казахстан, будучи не способен обеспечить собственную безопасность, ждет, когда Вашингтон заинтересуется размещением военных баз на его территории, и ведет переговоры об использовании США его воздушного пространства. Таким обра-

зом, выбирая между Россией и США, Казахстан вместе с другими странами СНГ “дрейфует” на Запад.

Оба мотива проявляются в публикациях 2016 г., касающихся Казахстана, но в гораздо менее явном виде — в материалах “СР” произошел переход от громких оценочных суждений к сухому изложению фактов.

Мотив авторитарного правления преобразовался в более мягкий **мотив отсутствия внутренних политических изменений**, иллюстрируемый темой досрочных парламентских выборов, организованных в том числе с целью лишить оппозицию необходимого пространства для маневра. **Мотив американского влияния** и вовсе сузился до просматривания прямой связи между событиями, произошедшими в Казахстане и американскими сценариями “*по расшатыванию ситуаций*”¹⁴. В остальном касающийся Казахстана контент газеты состоит из не связанных между собой сюжетов без содержательной составляющей образа страны.

В целом, в публикациях “СР” трудно выделить образ Казахстана как таковой: в 2001 г. он растворяется в обобщенных (хоть и ярких) образах стран СНГ и Центральной Азии, а в 2016 г., напротив, существуя вроде бы самостоятельно, оказывается лишен выраженного содержательного и оценочного наполнения.

Образ Казахстана в газете “Завтра”

Между “СР” и “Завтра” заметно явное сходство как в крайне негативной тональности изложения материала, так и, собственно, в содержании мотивов. **Мотив американского влияния** прослеживается в сюжетах о присутствии западного капитала в Казахстане, а **мотив авторитарного правления** неявно присутствует то в недвусмысленных эпитетах вроде “казахбаши”¹⁵, то в сюжете о преследовании и заключении “мыслящих иначе, чем Назарбаев”¹⁶. Однако наиболее ярко выраженный мотив, встречающийся в большинстве статей 2001 г., связанных с Казахстаном, — это **мотив дискриминации русскоязычного населения**. При всей жесткости высказываний в целом мотив даже лексически представлен весьма однообразно: “анти-русская политика”, “организованное изгнание русских”, “геноцид русских людей”, “лишение работы и куска хлеба по национальному признаку”, “чистка кадров по национальному при-

¹⁴ Саночкин С. Странные захваты // Советская Россия. 21.07.2016. Вып. 77. С. 7.

¹⁵ Новая холодная война // Завтра. 01.02.2001. Вып. 5. С. 4, 5.

¹⁶ Осипов В. За русских узников // Завтра. 22.11.2001. Вып. 47. С. 2.

¹³ Служить народу и Отечеству. Политический доклад Совета СКП-КПСС XXXII съезду // Советская Россия. 30.10.2001. Вып. 126. С. 1, 2.

знаку”, “табу на русскую речь”, “вандализм над русскими памятниками” и т.п. Напрямую связан с ним менее явный **мотив ответственности за соотечественников**, оставшихся за пределами России.

В 2016 г. мотив дискриминации русскоязычного населения сократился до слабо выраженного **мотива подавления “русского фактора”**, сводящегося к переименованию топонимов и запрету на ряд профессий в органах власти и силовых ведомствах. **Мотив американского влияния**, напротив, стал более отчетливым, затрагивая весь центральноазиатский регион, находящийся в зоне особого внимания по причине близости с главными оппонентами США – Россией, Китаем, Индией и Ираном. Лексика сохраняет одиозность: события, произошедшие в Казахстане в 2016 г. – массовые акции протеста и террористические акты – описываются как “звенья одной цепи”¹⁷, последствия “новой американской стратегии”¹⁸. В связи с этим на смену мотиву ответственности за русскоязычное население пришел **мотив ответственности за регион Центральной Азии**, проявляющийся в необходимости его “спасения” от радикального исламизма.

Образ Казахстана в 2016 г. более цельный и, на первый взгляд, не столь явно негативный: Казахстан здесь изображается ключевым союзником России в регионе, стремящимся к сотрудничеству в военно-стратегической области и формированию единого экономического пространства, а Назарбаеву ставится в заслугу успешная социальная политика и сдерживание экстремизма внутри государства. В то же время, практически в каждом сюжете такого рода проявляется и **мотив опасения**, связанный с возможными последствиями смены власти в Казахстане, где «ультранационалисты уже открыто готовят “цветную революцию” против Нурсултана Назарбаева»¹⁹.

Несмотря на близость газет “СР” и “Завтра” в подаче материала, отличия касательно образа Казахстана существенны. В “Завтра” в 2001 г. он хоть и характеризуется, по сути, одним ярким мотивом дискриминации русскоязычного населения, все же существует в отрыве от образов других стран. Казахстан здесь предстает ментально частью России, “традиционно русской землей”, на которой осталась “оторванная от родины” часть русскоязычного населения,

¹⁷ Шурыгин В. В прицеле – Казахстан // Завтра. 09.06.2016. Вып. 23.

¹⁸ Шукин О. “Хэппи-энд” не предусмотрен // Завтра. 19.05.2016. Вып. 20.

¹⁹ Коньков Н. Момент истины все ближе // Завтра. 26.05.2016. Вып. 21.

терпящего лишения. В 2016 г. образ уже другой – это “союзное”, дружественное России государство с сильным лидером, поддерживающим порядок в стране и вне ее, однако сдающее позиции и становящееся потенциальным “инструментом давления” на Россию.

Образ Казахстана в “Новой газете”

“НГ” тоже свойственна исключительно негативная тональность изложения материала. Главное ее отличие – отсутствие коннотаций связи с Россией: если в публикациях прочих газет Казахстан рассматривается как партнер России, в крайнем случае как одна из стран СНГ, постсоветского пространства, ЕАЭС, то в “НГ” он существует автономно и не имеет прямого отношения к северному соседу, иногда выступая в качестве плохого примера для него или объекта сравнения по тем или иным внутренним процессам.

Контент “НГ” в 2001 г. сконцентрирован не на образе Казахстана, а на образе его президента, а, точнее, на его негативной характеристике. **Мотив коррумпированности** проявляется как в подозрениях в обладании счетами в иностранных банках, так и открытых обвинениях в предоставлении иностранным компаниям преференций в разработке казахстанских месторождений в обмен на личные подарки. Отрицательная коннотация поддерживается **мотивом лукавства президента**: газета подмечает несоответствие заявлений Назарбаева существующей ситуации в стране, недосказанность в вопросах внешнего долга республике, погашения задолженности перед населением, маршрутов транспортировки нефти. Лукавство президента связывают с его “гибкостью” и желанием иметь хорошие отношения со всеми.

Даже мотивы, относящиеся к образу Казахстана, напрямую связаны лично с руководством республики, главный из них – **мотив жесткости и централизации власти**. О жесткости говорят сюжеты об ограничении оппозиционной прессы, о преследовании Бориса Гиллера, бывшего владельца крупнейшей медиагруппы “Караван”, обвиненного в информационной войне с главой государства. Мотив централизации власти прямо просматривается в сюжетах о разгорающейся войне за власть и наследство, охарактеризованной как “среднеазиатская экзотика: разборки между зятьями за будущий престол”²⁰.

В контенте “НГ” за 2016 г. статьи, касающиеся Казахстана, часто не несут никаких смысловых составляющих образа, поэтому он, хоть

²⁰ Латынина Ю. Борьба с коррупцией по-казахски // Новая газета. 19.11.2001. Вып. 84.

и сохранил негативный характер, стал более размытым, утратил конкретность.

Мотив жесткости и централизации власти в более мягкой форме проявляется в описании той же атаки на казахстанские медиа, а также в разворачивании темы культа личности президента (переименование Астаны в город Нурсултан, выпуск купюр с изображением президента, название школ и университетов именем Назарбаева и пр.). Второй мотив — **мотив внутренних проблем** — связан с сюжетами об осуждении казахстанского бизнесмена за подготовку государственного переворота, а также о террористическом акте в Актобе.

Таким образом, в 2001 г. образ Казахстана в “НГ” был ограничен наличием авторитарного коррумпированного и двуличного руководства, не допускающего оппозиционные силы к управлению страной, а в материалах 2016 г., кроме несменяемости власти и культа личности, в формировании образа Казахстана участвовал только мотив региональных проблем. Строго говоря, в оба года образ Казахстана тоже нельзя назвать цельным по разным причинам: в 2001 г. ввиду сфокусированности на характеристике руководства, а в 2016 г. из-за отсутствия четких связанных между собой мотивов.

ЧАСТНЫЕ ОБРАЗЫ КАЗАХСТАНА: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ

Как видно из анализа, специфика целевой аудитории издания напрямую влияет на формируемый образ страны. Каждый из сложившихся частных образов характеризуется собственным набором стержневых мотивов, порой настолько разных, что между образами трудно найти даже минимальное сходство. Формально общим для всех изданий мотивом в 2001 г. является мотив централизации власти, который предстает на страницах газет в принципиально разном свете, варьируя от позитивных оценок “мудрых решений” в “КП” до осуждения авторитарной политики в “СР” и “Завтра”. В 2016 г. общий мотив менее очевиден, хотя все издания солидарны в подчеркивании сопутствующих развитию Казахстана проблем: даже в абсолютно положительном образе в “КП” отмечается мотив уязвимости и обеспокоенности за будущее.

Наиболее очевидной тенденцией в развитии всех частных образов является *общее падение интереса* изданий к Казахстану (возможно, вынужденное), что ведет к обеднению содержания образа. В контенте 2001 г., в отличие от 2016 г., газеты могли себе позволить полностью посвящать часть статей Казахстану, его внутренней политике, социальным явлениям, даже описанию не столь значительных происшествий. Пожалуй,

единственным примером развития образа за рассматриваемый период выступает дискурс, формируемый газетой “Завтра”, — однозначно отрицательный образ “части Родины”, русскоязычное население которой подвергается прямой дискриминации, эволюционировал в более выпуклый образ союзного России государства, попавшего под “удар” и нуждающегося в помощи.

Второй тенденцией, производной в том числе от первой, является *сглаживание негатива и выравнивание* образа Казахстана. В 2001 г. контент выбранных газет практически не перекликался, а порой и противоречил друг другу. Различия между частными образами Казахстана, формируемыми различными газетами в 2001 г., имели большой разброс как по содержательной части, так и по тональности — от положительного, успешного, примерного государства с мудрым руководством в “КП” до страны с жесткой авторитарной властью и “антирусской политикой”, подверженной американскому влиянию (“СР” и “Завтра”).

В 2016 г. в центральной прессе за счет снижения внимания к Казахстану как самостоятельному государству произошло либо размывание выраженного образа (“СР”, “НГ”), либо рассмотрение его, несмотря на осознание внутренних проблем, только как неотъемлемой части пространства ответственности России или важного партнера в рамках интеграционного объединения ЕАЭС (“Коммерсантъ”, “КП” и “Завтра”). Эта тенденция весьма показательно сопровождается отходом от громких фраз и поднятия острых и жестких тем в сторону обтекаемых высказываний и безоценочного повествования, от подробного разбора внутривнутриполитических и социальных проблем в сторону уменьшения масштаба до государства как точки.

Из всех печатных изданий только “Коммерсантъ” способствует формированию наиболее объективизированных (содержащих как положительно, так и отрицательно окрашенные мотивы) многосторонних представлений, которые складываются в более-менее цельный образ. Некоторые тенденции к разнообразию образа характерны для “КП” и “Завтра”, однако в целом Казахстан остается ментально слабо освоенной страной. Даже с учетом общего дисбаланса в контенте прессы с явным уклоном в сторону обсуждения последствий украинских событий приходится признать, что на данный момент Казахстан мало интересен российским читателям вне зависимости от их социально-политических взглядов. На актуальных ментальных картах и коммунистов, и “имперских” националистов, и либералов-западников Казахстану отводится периферийное положение, а его образ, ранее бывший сравнительно глубоким

и отличным от издания к изданию, заменяется двумерным стереотипом проблемного региона, источника опасности для России, в лучшем случае – безликого участника центрированного на Москву интеграционного объединения. В этом отношении позиции принципиальных идеологических противников оказываются на удивление схожими.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баринов С.Л., Гриценко А.А., Самсонова А.* Образ Украины и особенности местной идентичности населения российско-украинского пограничья // Региональные исследования. 2009. № 3 (24). С. 22–28.
2. *Бочкарева И.Б., Есимова А.Б., Замятин Д.Н.* Образы Центральной Азии в России и России в Казахстане (анализ ответов студентов и публикаций в СМИ) // Вестн. Евразии. 2005. № 3. С. 30–47.
3. *Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б.* Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. 2014. № 5. С. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.05>
4. *Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю.* Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2011. № 5. С. 97–108.
5. *Замятина Н.Ю., Арутюнян К.М.* Взаимосвязи образов стран Европы в прессе (по материалам газет “Таймс” и “Нью-Йорк Таймс”) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2005. № 5. С. 60–65.
6. Интернет против телевидения: битва продолжается // ВЦИОМ. 03.05.2017. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (дата обращения 25.03.2019).
7. Источники новостей и доверие СМИ // ФОМ. 30.01.2019. <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (дата обращения 25.03.2019).
8. Каналы информации // Левада-Центр. 13.09.2018. <https://www.levada.ru/2018/09/13/kanaly-informatsii/> (дата обращения 25.03.2019).
9. *Колосов В.А.* “Низкая” и “высокая” геополитика: образы зарубежных стран в представлениях российских граждан // Отечественные записки. 2002. № 3. С. 33–51.
10. *Колосов В.А., Зотова М.В., Попов Ф.А., Гриценко А.А., Себенцов А.Б.* Постсоветское пограничье России между Востоком и Западом (анализ политического дискурса). Ч. I. Глядя на Запад // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.04>
11. *Колосов В.А., Себенцов А.Б.* Северный Кавказ в российском геополитическом дискурсе // Полис. Политические исследования. 2014. № 2. С. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.11>
12. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В.А. Колосова. М.: Институт Фонда “Общественное мнение”, 2003. 304 с.
13. *Попов Ф.А.* Эволюция представлений об интеграционных процессах на постсоветском пространстве // Мир перемен. 2016. № 1. С. 147–163.
14. *Руцинская И.И.* Путеводитель как феномен массовой культуры. Образы российских регионов в провинциальных путеводителях второй половины XIX – начала XX веков. М.: Ленард, 2013. 285 с.
15. *Токбулатова Ж.Е., Колосов В.А.* Образ Казахстана в России в зеркале общественного мнения // Региональные исследования. 2018. № 2 (60). С. 58–67.
16. *Kolossov V., Toal G.* An Empire’s Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture // Eurasian Geography and Economics. 2007. V. 48. № 2. P. 202–225. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.48.2.202>
17. *Ó Tuathail G., Dalby S.* Introduction: Rethinking Geopolitics: Towards a Critical Geopolitics // Rethinking Geopolitics / G. Toal, S. Dalby (Eds.). NY: Routledge, 1998. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203058053>
18. *O’Loughlin J., Talbot P.F.* Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians // Eurasian Geogr. and Econ. 2005. V. 46. № 1. P. 23–50. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.46.1.23>
19. *O’Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolossov V.* The Geopolitical Orientations of Ordinary Russians: A Public Opinion Analysis // Eurasian Geogr. and Econ. 2006. V. 47. № 2. P. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.47.2.129>

REFERENCES

1. Barinov S., Gritsenko A., Samsonova A. Image of the Ukraine and some special features of spatial identity by the population of the russian-ukrainian border area. *Regional'nye Issledovaniya*, 2009, no. 3, pp. 22–28. (In Russ.).
2. Bochkareva I.B., Esimova A.B., Zamjatin D.N. Images of Central Asia in Russia and Russia in Kazakhstan (analysis of students' responses and publications in the media). *Vestn. Evrazii*, 2009, no. 3, pp. 30–47. (In Russ.).
3. Vendina O.I., Kolossov V.A., Popov F.A., Seben-tsov A.B. Ukraine in the political crisis: the image of Russia as catalyst of contradictions. *Polis. Polit. Issled.*, 2014, no. 5, pp. 50–67. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.05.05> (In Russ.).
4. Zamjatin D.N., Zamjatina N.Ju. Humanitarian Geography: Object of Learning and the Main Trends of Development. *Izv. RAN. Ser. Geogr.*, 2011, no. 5, pp. 97–108. (In Russ.).
5. Zamjatina N.Ju., Arutjunjan K.M. Interrelations of images of European countries in press (according to the Times and New York Times). *Vestn. Mosk. Univ., Ser. 5. Geogr.*, 2005, no. 5, pp. 60–65. (In Russ.).

6. Internet vs Television: the fight goes on. *WCIOM*, 03.05.2017, Available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116190> (accessed: 25.03.2019). (In Russ.).
7. News sources and Media credibility. *FOM*, 30.01.2019, <https://fom.ru/SMI-i-internet/14170> (accessed: 25.03.2019). (In Russ.).
8. Channels of information. *Levada-Center*, 13.09.2018, <https://www.levada.ru/2018/09/13/kanal-y-informatsii/> (accessed: 25.03.2019). (In Russ.).
9. Kolosov V.A. 'High' and 'Low' Geopolitics: Images of Foreign Countries in the Eyes of Russian Citizens. *Otechestvennye Zapiski*, 2002, no. 3, pp. 33–51. (In Russ.).
10. Kolosov V.A., Zotova M.V., Popov F.A., Gritsenko A.A., Sebentsov A.B. Russia's Post-Soviet border zone between East and West: looking West (analysis of political discourse). *Polis. Polit. Issled.*, 2018, no. 3, pp. 42–59. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/>. (In Russ.).
11. Kolosov V.A., Sebentsov A.B. The North Caucasus in Russian geopolitical discourse. *Polis. Polit. Issled.*, 2014, no. 2, pp. 146–163. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.02.11> (In Russ.).
12. *Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika* [The World Through the Eyes of Russians: Myths and Foreign Policy], Kolosov V.A., Ed. Moscow: Institute of Public Opinion Foundation Publ., 2003.
13. Popov F.A. Evolution of the Perceptions of Integration Processes in the Post-Soviet Space. *Mir Peremen*, 2016, no. 1, pp. 147–163. (In Russ.).
14. Rucinskaja I.I. *Putevoditel' kak fenomen massovoi kul'tury. Obrazy rossiiskikh regionov v provintsial'nykh putevoditelyakh vtoroi poloviny XIX-nachala XX vekov* [Guidebook as a Phenomenon of Mass Culture. Images of Russian Regions in the Provincial Guides of the Second Half of the XIX-early XX Centuries]. Moscow: Lenard Publ., 2013.
15. Tokbulatova Z.Y., Kolosov V.A. The image of Kazakhstan in Russia in public opinion. *Reg. Issled.*, 2018, no. 2 (60), pp. 58–67. (In Russ.).
16. Kolosov V., Toal G. An Empire's Fraying Edge? The North Caucasus Instability in Contemporary Russian Geopolitical Culture. *Eurasian Geography and Economics*, 2007, vol. 48, no. 2, pp. 202–225. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.48.2.202>
17. Ó Tuathail G., Dalby S. Introduction: Rethinking Geopolitics: Towards a Critical Geopolitics. *Rethinking Geopolitics*, Toal G., Dalby S. (Eds.), New York: Routledge, 1998. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203058053>
18. O'Loughlin J., Talbot P.F. Where in the World is Russia? Geopolitical Perceptions and Preferences of Ordinary Russians. *Eurasian Geography and Economics*, 2005, vol. 46, no. 1, pp. 23–50. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.46.1.23>
19. O'Loughlin J., Ó Tuathail G., Kolosov V. The Geopolitical Orientations of Ordinary Russians: A Public Opinion Analysis. *Eurasian Geography and Economics*, 2006, vol. 47, no. 2, pp. 129–152. DOI: <https://doi.org/10.2747/1538-7216.47.2.129>

The Image of Kazakhstan in Russia in the Media

Z. Y. Tokbulatova

Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography, Moscow, Russia

e-mail: tokbulatovazhuldyz@gmail.com

Received January 28, 2019; revised April 15, 2019; accepted May 17, 2019

The article is concerned with the revealing and comparing of particular images of Kazakhstan formed by five Russian print media (“Kommersant”, “Komsomol'skaya Pravda”, “Sovetskaya Rossiya”, “Novaya Gazeta” and “Zavtra”), supposedly covering the most of existing ideological and political preferences. The research is based on the database of articles collected using deep content analysis of the newspapers over two focus years (2001 and 2016). The differences in newspapers' target audience determine the lack of common motives within proper images (in 2001 they shared only the differently interpreted motive of power concentration and in 2016 all highlighted the problems associated with the state development). At the same time, all newspapers showed the overall decline in interest to Kazakhstan and concurrent impoverishment of its image as well as the tendency to softening its negative aspects. While in 2001 Kazakhstan's discourse in chosen newspapers was diverse, if not conflicting, at 2016 we witnessed either erosion of image (“Sovetskaya Rossiya” and “Navaya Gazeta”) or its reduction to an integral part of Russian responsibility's space or Russia's important partner within the EAEU (“Kommersant”, “Komsomol'skaya Pravda”, “Zavtra”). Among the chosen newspapers only “Kommersant” contributes to the formation of considered multifaceted perceptions of the state, which add up to relatively solid image, whereas in general Kazakhstan appears to be a mental unexplored country.

Keywords: political geography, geographical image, country image, Kazakhstan, Russia, public perceptions, press, media.

DOI: <https://doi.org/10.31857/S2587-55662019532-42>